
DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

РУССКО-МОНГОЛЬСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1912 г. И РОЛЬ РУССКОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО В ЕГО ПОДГОТОВКЕ

© 2023

О. Батсайхан¹

Статья написана на основе архивных документов Монголии и России, а также личного дневника русского знатока Востока, уполномоченного Российского императорского правительства Ивана Яковлевича Коростовца, который был опубликован впервые на русском и монгольском языках в Монголии. Цель статьи заключается в выяснении истории подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией 3 ноября 1912 г., а также значения этого документа в истории Монголии. На основе анализа политики Российского императорского правительства в отношении Монголии в начале XX века выявлена роль И. Я. Коростовца, тайного советника, уполномоченного Российского правительства в установлении первого соглашения между Монголией и Россией.

Ключевые слова: независимость Монголии, Монголо-Русское соглашение 1912 г., Богдо-хан, И. Я. Коростовец, С. Д. Сазонов

Для цитирования: Батсайхан О. Русско-Монгольское соглашение 1912 г. и роль русского уполномоченного в его подготовке. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2023. № 1. С. 48–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

RUSSO-MONGOLIAN AGREEMENT IN 1912 AND THE ROLE OF RUSSIAN PLENIPOTENTIARY ITS PREPARATION

Batsaikhan Ookhnoi

The work is based on original research in Mongolian and Russian archives, and on the diary of experienced diplomat on Eastern policy of Imperial Russia, Plenipotentiary of the Russian Empire I. Ya, Korostovets, which was published in Mongolia first time in Russian and Mongolian languages. The paper examines historical conditions of the elaboration and signing of the Russo-Mongolian Agreement of 1912, as a direct result of the proclamation of the Mongolian national independence, and its importance in Mongolian history. I analyse the role of Russian plenipotentiary I. Ya. Korostovets in establishment of the first agreement between Mongolia and Russia, based on the examination of the foreign policies of government of Russian Empire concerning Mongolia. The importance of research of these legal acts is recognition of the rebirth of Mongolia by Russia in history of Asia in the beginning of the 20th Century.

---

¹ Батсайхан Оохной, доктор исторических наук, профессор, Институт международных исследований Академии наук Монголии; batsaikhano@mas.ac.mn

Batsaikhan Ookhnoi, Doctor of Mongolian history (Sc. D), Professor, Leading researcher, Institute of International Studies, Mongolian Academy of Sciences; batsaikhano@mas.ac.mn
ORCID: 0000-0002-5543-5664

Keywords: independence of Mongolia, Russo-Mongolian agreement in 1912, Bogdo-khan, I. Ya. Korostovets, S. D. Sazonov

For citation: Batsaikhan Ookhnoi. Russo-mongolian Agreement in 1912 and the Role of Russian Plenipotentiary its Preparation. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2023. 1. Pp. 48–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2023-1-048-063

В личном деле, хранящемся в Архиве внешней политики Российской империи, написано: «Тайный советник Иван Яковлевич Коростовец родился 25 Августа 1862 года, Вероисповедания православного. Происхождение — из дворян Полтавской губернии» [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 1]. Как видим, это был знатный выходец из дворян. Этот дворянин — дипломат Российской империи подписал соглашение от имени Императорского правительства России с министрами Богдоханского правительства вновь образованного Монгольского государства.

Признанный авторитет по вопросам Востока, тайный советник, дипломат И. Я. Коростовец начал свою дипломатическую карьеру сразу же после окончания Александровского лицея в 1884 г. с незначительных должностей в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел России, получая оклад в 400 рублей с 13 июня того же года. Вскоре он был назначен вторым секретарем посольства России в Пекине (с 1890 года по 1894 г.). В 1894–1899 гг. — секретарь миссии Российской империи в Лиссабоне, с 1899 по 1902 г. — заведующий дипломатической канцелярией верховного главнокомандующего адмирала Алексеева в Порт-Артуре, с 1902 г. — генеральный консул в Бушире, вице-директор Первого департамента МИД России. В 1907–1912 гг. Коростовец — чрезвычайный посланник России в Пекине. В 1905 г. был назначен секретарем графа Витте, российского уполномоченного на мирной конференции в Портсмуте. В августе 1912 г. получил назначение в Ургу уполномоченным в русско-монгольских переговорах [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 2–12]. С октября 1913 г. И. Я. Коростовец был назначен чрезвычайным посланником Российской империи при персидском дворе, с 1916 года — председателем правления Учетно-ссудного банка Персии.

И. Я. Коростовец был уполномочен правительством России для ведения переговоров с монгольским правительством и прибыл в сентябре 1912 г. в монгольскую столицу Нийслэл-хурэ. После участия в трехмесячных переговорах 3 ноября 1912 г. был подписан Монголо-Российский договор о дружбе с приложением торгового протокола.

В период споров китайских властей с российским послом в Пекине по монгольскому вопросу МИД России принял петицию своего посла в Китае, правительство обсудило проект будущего договора и подало его на усмотрение царю Николаю II, который поставил пометку «Срочно». По указу царя на специальном заседании Совета Министров 3 августа 1912 г., согласно мнению министра иностранных дел, было принято решение прервать переговоры с китайской стороной по монгольскому вопросу и приступить к подписанию секретного договора с Хурэ [Белов, 1994, с. 176]. В принятом решении «О подписании договора с Хутухтой и князьями Урги» было указано «о возрастании опасности по оттягиванию монгольского вопроса». Готовившийся проект договора было решено назвать не договором с Монголией, а лишь «договором с хутухтой и князьями Урги» и дать неопределенное толкование заявлению независимости, назвать его «режимом Халхи», обещать сохранить данный режим, «не упоминать о включении в состав Халхи Внутренней Монголии и Барги» [Международные отношения..., 1931, с. 7].

Хотя данный договор не имел целью признание независимости Монголии, субъектами его подписания были названы «Россия и Монголия», и он должен был соответствовать нормам международного права, иметь дипломатическое значение и, без сомнения, играл особую роль для выхода Монголии на международную арену. Документ преследовал в первую очередь интересы России, тем не менее был крайне важным и для выбора пути Монголии. Это осознавали монгольские лидеры. С Монголией стали поддерживать связь государственные деятели России и министр иностранных дел, ускоряя процесс подписания договора.

Так как Россия решила войти в договор с Монголией, правительство России в августе 1912 г. уведомило правительство Монголии о назначении опытного дипломата И. Я. Коростовца своим особым представителем. Монгольское правительство во главе с ханом Богдо Джебцзундамбой и Сайн-нойон-ханом Намнансурэном выразило благодарность русскому царю в связи с назначением особого посла Коростовца и принятием предложения северному соседу о подписании Договора о дружбе [Монголын ард түмний..., 1982, с. 170]. Это было большим шансом для монголов в деле поиска возможностей закрепления объявленной независимости новой Монголии и сыграло важную роль в выходе Монголии на международную арену на следующем витке истории.

Политика Российской империи в отношении Монголии

Следующим шагом была инструкция, данная правительством и МИД России И. Я. Коростовцу 23 августа 1912 г. [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1–2]. В начале этой инструкции было указано, что попытки переговоров с китайской стороной по монгольскому вопросу «не привели к сколько-нибудь осязательным результатам» и китайцы «сеют рознь между князьями Монголии», «стали затем подготавливать военную экспедицию, чтобы покончить силою с монгольской самостоятельностью», и в связи с этим не имеется возможности проведения переговоров с китайцами, не признающими изменение ситуации в Монголии [Сборник дипломатических..., 1914, с. 1–2].

Указывалось, что правительство Российской империи перешло на путь установления прямых контактов с ургинским правительством и приняло решение о подписании соглашения, указывалось, что «необходимо стремиться к образованию пограничного с Россией государства, слабого в военном отношении», и для реализации этих целей следовало:

- 1) сохранить в Халхе управление национальными властями;
- 2) не допускать ввод туда китайских солдат;
- 3) устранить колонизацию монгольских земель китайцами.

Фактически позиция Российской империи относительно Монголии определялась секретными соглашениями между Россией и Японией от 1907, 1910 и 1912 гг. о разделе сфер влияния на Дальнем Востоке. Русско-Японский договор от 30 июля 1907 г. отражал новые отношения между державами на Дальнем Востоке и состоял из официальной и секретной частей, где были разделены сферы влияния в Маньчжурии, Корее и Монголии. Там в пункте 3 было обозначено признание особых интересов Российской империи во Внешней Монголии и обязанность не допускать попыток расторжения условий данного договора. В 1910 г. эти государства подтвердили данное соглашение. 25 июня 1912 г. в пункте 2 третьего секретного договора между Россией и Японией было указано: «Внутренняя Монголия делится на две части: одна на восток, другая на запад от пекинского меридиана (116°127' вост. долг. от Гринвича). Имп. росс. прав-о обязуется признавать и не нарушать специальных яп. интересов в части Внутр. Монголии,

находящейся к востоку от вышеозначенного меридиана; и имп. яп. прав. обязуется признавать и не нарушать специальных русских интересов в части Внутр. Монголии, находящейся к западу от означенного меридиана» [Гримм, 1925, с. 180].

История подписания Соглашения о дружбе между Россией и Монголией

И. Я. Коростовец прибыл в Нийслэл-хурэ в сентябре 1912 г. для ведения переговоров с монгольским правительством. Он прибыл с проектом договора о признании Монголии как автономии по решению правительства России и вручил его монгольской стороне. Представители монгольского правительства, ознакомившись с данным проектом, не согласились с его главной целью — признанием Монголии как автономии. Они внесли в документ поправки и дали Коростовцу свой ответ. Основной идеей поправок монгольских руководителей было: сохранить независимость и уже объявленный суверенитет Монголии; не допустить понижения статуса независимости, ограничения монгольской независимости формой китайской автономии; включить в состав Монголии Внутреннюю Монголию и Баргу; назначить постоянного представителя правительства Монголии в России. Возникли большие споры вокруг поправок, связанные с сохранением позиций обеих сторон, и даже казалось, что переговоры прекратятся. Но в ходе жарких споров стало очевидно, что жесткая позиция монгольской стороны не принесет желаемых результатов. Осознав значимость факта подписания договора с великой державой Россией и принимая во внимание внутреннее и международное положение Монголии, возможности после подписания договора отправить своего посла в Россию, при необходимости обратиться к другим государствам в поисках поддержки, установить равные партнерские отношения со всеми странами мира — монгольская сторона пошла на определенные уступки. Русский представитель тоже пошел на уступку, убрав слово «Внешняя» из названия «Внешняя Монголия», признав целесообразность использования названия «Монголия» в широком смысле слова в русском варианте и использования термина «Монгол улс» в монгольском варианте, и не стал возражать против использования толкований на монгольском языке перевода французского слова «автономия», имеющего греческое происхождение, как «өөртөө тогтнох», «өөрөө эзэрхэх ёс журам». Данный договор стал не только официальным признанием Россией Монголии и ее правительства, но и в дальнейшем был принят за правовую основу в закреплении ее государственного суверенитета. Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного договора являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. После провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене.

В результате двусторонних уступок 21 октября/3 ноября 1912 г. полномочный представитель России И. Я. Коростовец, премьер-министр Сайн-нойон-хан Намнансурэн и пять министров заключили в Нийслэл-хурэ Договор² о дружбе, которым определили отношения между новой Монголией и Россией.

1. В начале Договора было отмечены факты, что были изгнаны с территории Монголии китайские оккупанты, провозглашен Богдо Джебцзундамба-хутухта Всеми Возведенным ханом Монголии, были прерваны монголо-китайские отношения, есть необходимость расширения старинных дружественных русско-монгольских отношений, развития экономических

---

² В русском тексте документ был назван «Русско-монгольское соглашение о дружбе», а в монгольском — «Монголо-русский договор о дружбе» (монг. Монгол Оросын найрамадалын гэрээ бичиг). Тем самым международно-правовой статус документа различается в монгольском и русском вариантах.

отношений, принятия особых правил ведения торговли. В пункте 1 договора было указано, что правительство Российской империи обязуется сохранять автономию Монголии, окажет помощь для запрещения ввода китайских войск на ее территорию и китайских переселенцев. Монголия начала следовать принципу суверенного существования.

2. Из Монголии были выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем Монголия имеет право не впускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев.

В монгольском варианте договора было отмечено, что правительства обеих сторон признали данные условия. В пункте 2 сказано, что великий хан и правительство Монголии обязуются на своей территории оказать российским подданным и торговцам, согласно Протоколу как приложению к настоящему Договору, преференциальный режим ведения торговли, не выдавать особые права торговцам других стран, кроме России. В пункте 3 отмечено, что в случае необходимости и целесообразности заключения нового договора с Китаем или другим государством правительство Монголии не имеет права заключать его без предварительного согласия правительства России. В пункте 4 сказано, что настоящий договор вступает в силу с даты его подписания [Гримм, 1925, с. 180].

Настоящим договором и приложением к нему были узаконены особые права российских торговцев в Монголии. Например, в любой части Монголии российским подданным разрешалось вести торговлю, свободно передвигаться, заниматься производством, обслуживанием, заключать любые виды контрактов, вывозить и ввозить через границу товары без уплаты таможенной пошлины, свободно развивать частную собственность, открывать свои филиалы финансово-банковских организаций, что доказывает монополию россиян на монгольском рынке.

И. Я. Коростовец в своей книге под названием «От Чингис хана до Советской республики» и своем дневнике оставил удивительные записи. Так, он описал свои впечатления о первой встрече с монгольскими лидерами:

«На первое заседание в консульстве собрались все князья — правители, а именно упомянутый Саин-ноин-хан, министр иностранных дел Ханда-ван, министр внутренних дел Да-лама³, министр финансов Тушэту-хан, министр юстиции Эрдэни-ван-Намсарай и военный министр Далай-ван. Я уже говорил о Да-ламе и о Ханда-ване, участниках депутации, посланной в Петербург в 1911 г. Саин-ноин сделался министром недавно, после умершего Дзасакту-хана. Князья приехали верхом, надев для столь торжественного случая парадные курмы и собольи шапки. Их сопровождали многочисленные конюхи, расположившиеся во дворе и в прихожей.

С нашей стороны присутствовали, кроме меня, генеральный консул Люба, Попов, Эльтеков и бурят Церемпилов, состоявший переводчиком консульства. Я впоследствии неоднократно прибегал к услугам этого бурята. Он был вхож ко двору Хутухты и пользовался некоторым влиянием в правительственных сферах, ссужая деньгами князей и тайчжи, из коих многие были в кабале у китайских ростовщиков.

Далее, я начал с заявления, что Россия и Белый Царь, относившиеся всегда дружелюбно в Монголии, узнав о затруднениях, возникших в связи с отделением от Китая, решили прийти к ней на помощь. Задача эта будет облегчена, если монголы заключат с нами соглашение, которое закрепит связь Монголии с Россией и даст ей возможность заступиться за монгольскую автономию. Меня назначили для переговоров, потому что в бытность посланником в Пекине мне пришлось близко познакомиться с монгольскими делами.

От имени князей выступил Да-лама — бритый монах (остальные князья с косами) аскетического вида с резкими чертами лица. Он заявил, что монголы готовы заключить соглашение

---

³ Да-лама Цэрэнчимэд, министр внутренних дел Монголии.

с Россией, но желали бы прежде выяснить, оно отразится на их отношениях с Китаем. Китайцы также предложили соглашение и хотят прислать монгольского князя Няянту для переговоров. Монгольское правительство в ожидании дальнейших шагов России пока отказалось принять Няянту, оно к тому же стремится к объединению не только Внешней, но и Внутренней Монголии, тесно связанной с первой.

Я объяснил, что мне поручено вести переговоры лишь о Халхе и что вопрос о Внутренней Монголии лучше пока не возбуждать. Что касается Китая, то соглашение с ним монголов, вероятно, будет равносильно отмене их независимости. Мы хотим сближения с монголами ради обоюдной выгоды, ибо считаем, что Монголия, как государство-буфер, могла бы служить оплотом на нашей границе против китайского проникновения. Настоящий шаг вызван образом действия Пекинского правительства и от монголов будет зависеть воспользоваться нашим предложением.

Саин-ноин, хранивший молчание, ответил, что монголы сознают важность переживаемого их страной момента. Слова мои и проект соглашения будут доложены Богдо (Хутухта) безотлагательно. Так закончилось мое первое свидание с монгольскими министрами» [Коростовец, 2004, с. 211–212].

Наибольший интерес вызывает запись Коростовца в день подписания договора. Он писал: «Заключение договора состоялось 21 октября. Вот как произошло это знаменательное событие. Князья приехали в консульство поздно вечером, когда я уже не думал их увидеть. Задержка была вызвана гаданием придворного астролога, выбиравшего счастливый день для подписания. День оказался счастливым, о чем князья заявили мне с видимым удовольствием. Мы тотчас же приступили к сличению текстов и к подписанию. Монголы, впервые видевшие такую процедуру, отнеслись к ней с большой серьезностью. Они внимательно прослушали чтение и с тщательностью занялись начертанием тушью своих имен. Затем подали шампанское и я предложил тост за благоденствие автономной Монголии и за русско-монгольскую дружбу. Князья расчувствовались, пожимали мне руки и твердили «цзаа». Саин-ноин даже произнес маленький спич, а министр финансов шутливо заметил, что со времени монгольского нашествия на Россию настоящее событие есть первый шаг к восстановлению прямых сношений Монголии с Россией. Теперь монголы могут быть спокойны за судьбу своей страны, ибо Россия и Цаган-батыр, т. е. белый царь, не выдадут ее никому.

Во время нашей беседы князья сознались, что колебания их продолжались до последней минуты, и что окончательное решение подписать принято было по настоянию самого Богдо. Оказалось, что сомнения возникли под влиянием разговоров с Ларсоном, прибывшим недавно из Пекина. Названный Ларсон, по национальности норвежец и представитель американского библейского общества, приехал в Ургу якобы по делам общества, в действительности же был командирован пекинским правительством, чтобы побудить монголов прервать переговоры с Россией. Он имел также поручение от группы капиталистов, желавших получить концессию на сооружение железной дороги между Калганом и Ургой. Монголы, однако, отвергли все предложения Ларсона, заявив, что готовы вести переговоры с Китаем лишь после заключения Соглашения с Россией и, притом, как равный с равным» [Коростовец, 2004, с. 233].

На следующий день после подписания Русско-Монгольского договора о дружбе в консульство Российской империи пришел Ханда-ван и передал поздравление от Богдо-хана в связи с подписанием Договора. А 15 мая 1913 г. по указу Богдо-хана И. Я. Коростовец был удостоен звания Цин-вана, т. е. князя первой степени, и ордена Вачира [АВПРИ, ф. Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 3].

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Факт заключения договора стал ударом для китайской экспансионистской политики, проводимой в то время Пекином в отношении Монголии, и привел к необходимости ведения переговоров китайского правительства с Россией специально по монгольскому вопросу.

Хотя Договор о дружбе и Торговый протокол 1912 г. традиционно причисляют к экономическим документам, фактически они имели огромное политическое значение, приведя к концу прежние отношения между Монголией и Китаем и открыв возможность для новообразованного Монгольского государства иметь равные отношения со всеми государствами мира. После провозглашения Монголией своей независимости данный договор стал первым официальным правовым документом для определения статуса Монголии на международной арене:

- 1) Монголия — это государство, имеющее собственного правителя и свое правительство;
- 2) Монголия имеет право образования своих войск;
- 3) Монголия начала жить по принципу суверенного существования;
- 4) из Монголии выведены китайские войска и эксплуататоры, а в дальнейшем Монголия имеет право не допускать на свою территорию китайские войска и китайских переселенцев;
- 5) Монголия является юридически правомочным субъектом, имеющим полное право на заключение любых договоров с иностранными государствами; это право было признано правительством России, и Россия обязалась оказывать всемерное содействие для их неукоснительного соблюдения [Батсайхан, 2007, с. 22].

Также необходимо отметить, что в существовавших в то время условиях факт подписания данного договора являлся, в сущности, весьма прогрессивным шагом. Хотя в ходе переговоров монголами был поставлен вопрос о включении Внутренней Монголии и Барги в состав Монголии, российская сторона наотрез отказала в данном требовании, также был получен отрицательный ответ на вопрос о пребывании монгольского посла в Петербурге. Судьба Внутренней Монголии к тому времени уже была предрешена секретным договором, заключенным между Россией и Японией, и поэтому вопрос об аккредитации монгольского посла в Российской столице явился щекотливым моментом в стремлении России к ограничению монгольской независимости формой китайской автономии.

И. Я. Коростовец, уполномоченный Российского императорского правительства

И. Я. Коростовец по праву является выдающимся дипломатом, сумевшим внести огромный вклад в развитие Монголии. В период его пребывания в Нийслэл-хурэ находился знаменитый монголовед В. Котвич, исследователь монгольского и алтайского языков, проводивший археологические раскопки в бассейне реки Орхон. Впоследствии Коростовец и Котвич, сотрудничая в научно-исследовательской области, разработали и издали географическую карту Монголии, которую затем ученый-исследователь И. Майский (1921) внес в свою книгу. Она имеется и в книге Коростовца, изданной в Германии. Коростовец пробыл в Нийслэл-хурэ до мая 1913 г., а затем был назначен послом Российской империи в Персии, где и встретил Октябрьскую революцию 1917 г. Ранг действительного статского советника Коростовца тогда приравнивался к генеральскому чину. Такого высокого ранга удостоивались лишь компетентные и многоопытные государственные деятели того времени, искусно проявившие себя на дипломатическом поприще. Коростовец стал и тайным советником, который был одним из высших рангов

дипломатической службы Российской империи. С 1915 г. он был членом Совета МИД России. То есть его опыт и знания были признаны на самом высоком уровне.

Его пребывание и служба в Монголии легли в основу обширной книги, вышедшей в 1926 г. в Берлине на немецком языке, «Von Ginggis Khan zur Sowjetrepublik. Eine Kurze Geschichte der Mongolei unter Besonderer Berücksichtigung der Neuesten Zeit» («От Чингис хана до Советской республики. Краткая история Монголии с особым обозрением нового времени»). Коростовец глубоко изучил историю Монголии, начиная с XIII в. до середины 20-х гг. XX в. В период своего пребывания в столице Монголии он подробно описал заключение Договора 1912 г. Его книга в 1930 г. была переведена и издана на японском языке в Японии. В Монгольском национальном архиве также хранятся материалы, свидетельствующие о том, как в 1931 г. монгольский писатель Д. Нацагдорж по заказу Академии наук Монголии намеревался перевести с немецкого на монгольский язык книгу, состоящую из одного тома, об историческом положении Монголии от периода Чингис-хана до народовластия и ее политических отношениях. В то время Нацагдорж, обучавшийся в Германии, даже привез книгу Коростовца на родину и согласно принятому решению приступил к ее переводу на монгольский язык. Но, к сожалению, не смог закончить начатую работу: в архивных документах содержатся сведения о том, что он лишь собирался завершить перевод книги [Очир, Дашням, 1996, с. 118].

Мы опубликовали первоначальную рукопись на русском языке «От Чингис хана до Советской республики»⁴ в Монголии в 2004 г. благодаря инициативе и поддержке тогдашнего Чрезвычайного и Полномочного посла Российской Федерации в Монголии О. М. Дерковского и дипломатического сотрудника посольства России в Монголии доктора исторических наук В. Ц. Ганжурова.

Дипломатическая карьера Ивана Яковлевича Коростовца сделала его участником и свидетелем многих важных событий начала XX века, связанных с российско-китайскими и российско-монгольскими отношениями, и, сознавая это, он оставил ценные публикации и воспоминания.

Когда он работал вторым секретарем Российской дипломатической миссии в Пекине в 1890–1894 гг., он опубликовал в русских журналах целый ряд статей о китайском образовании, религии, экономике, администрации, суде, театре, философии, а также об иностранных миссионерах и о Российской духовной миссии. В 1898 г. вышла его книга «Китайцы и их цивилизация» — результат исследований и наблюдений во время службы в Пекине. Видимо, ему было не так уже легко в китайской столице. Вот как писал Белченко в 1933 г. в журнале «Парус»: «Иван Яковлевич вынужден был покинуть Пекин, разойдясь с тогдашним российским посланником графом А. П. Кассини, еще до того, как переговоры о сказанном выше только что намечались. Время пребывания И. Я. Коростовца в Пекине было, напротив, очень тяжелое. Недаром он написал в одной из комнат, в которых он жил со своею семьею в Пекине, «тут жил и страдал И. Я. Коростовец». Ему было даже предложено временное пребывание в Чжифу».

В 1896–1898 гг. Россия заключила ряд договоров с Маньчжурской империей, в результате которых началась постройка Китайско-Восточной железной дороги, была арендована часть Гуандунской провинции с Порт-Артуром и Дальним и проведена к ним Южно-Маньчжурская ветка КВЖД. Адмирал Е. И. Алексеев был назначен главным начальником Гуандунской или, как тогда писали, Квантунской области и командующим военными и морскими силами на Дальнем Востоке. В 1899 г. И. Я. Коростовец получил пост дипломатического комиссара в Квантунской администрации адмирала Алексеева и оказался свидетелем восстания ихэтуаней (так называемых боксеров) против иностранцев. Эти события и впечатления он описал в книге «Россия

---

⁴ Коростовец И. Я. От Чингис хана до Советской республики. Улан-Батор, 2004.

на Дальнем Востоке», опубликованной в Пекине в 1922 г., когда ее автор стал эмигрантом. Эпиграфом к книге служат слова Вольтера: «История есть лишь картина преступлений и несчастий».

В 1903 г. он получил пост начальника отделения по Дальнему Востоку в Министерстве иностранных дел, а затем сопровождал С. Ю. Витте в качестве секретаря при заключении Портсмутского мира после Русско-японской войны.

Дневник, который он вел по просьбе Витте во время этих переговоров, был опубликован в 1918 г. в нескольких номерах журнала «Былое». Английский перевод вышел в 1920 г. под заглавием «Pre-War Diplomacy, the Russo-Japanese Problem. Treaty Signed at Portsmouth, USA, 1905. Diary of J. J. Korostovetz». В 1923 году эта книга вышла и на русском языке в Пекине — «Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г. Дневник И. Я. Коростовца, секретаря графа Витте». «По пути из Портсмута в 1905 г. И. Я. Коростовец выпивал шампанское с генералом Витте, президентом США Т. Рузвельтом и японскими советателями в шикарной яхте президента»⁵ — так писала профессор Ольга Бакич. Как мы видим, И. Я. Коростовец был очень творческим человеком. Он вел дневник, где бы ни был.

Он был большим знатоком Востока. В период пребывания в Монголии он тоже вел дневник, где очень подробно описана не только политическая жизнь этой страны, но и все стороны жизни монголов начала XX века, кем был Богдо-гэгэн и монгольские ханы, что они думали и хотели. Он не только официально встречался с Богдо и министрами монгольского правительства, но и бывал у них в гостях. Вот что пишет он о встрече с Богдо хааном [Коростовец, 2009, с. 105–106]:

«28 сентября. Сегодня состоялась моя аудиенция у Хутухты. Около пяти часов монголы прислали носилки и приехал Хандаван со свитой. Носилки обыкновенного китайского типа, причем к носилочным брускам прикреплены толстые шесты. Когда я сел в носилки (Люба отказался от носилок и предпочел ехать в экипаже), под бруска подъехали четыре всадника, взявшие концы на луку седла (как при езде в экипаже) и двинулись сначала шагом, а затем крупной рысью. Хандаван ехал за мною в таких же носилках, персонал консульства и Эльтеков в экипаже... Нас сопровождал казачий конвой и многочисленные монгольские всадники. По пути были расставлены конные монгольские церики, вооруженные берданками, одетые в разнообразные формы нового монгольского образца — широкие халаты синего и серого цвета и чалмы, очень похожие на прежний наряд китайских солдат. Около дворца Хутухты стояли толпы монголов и русских, пришедших взглянуть на редкое зрелище приезда первого русского посланника.

У деревянных позолоченных юрт нас встретили министры и ввели во двор, а затем в большую юрту, обитую сукном, посредине коей горела большая жаровня. Здесь мы сняли пальто и, пройдя через группу хамб (архиереев), цорчжи и сойбонов (высшее духовенство), лам и даниров (придворные), а затем через вторую юрту и крытый проход, вошли в третью значительно большую юрту, также обитую красным. Посередине пылала большая жаровня, труба от которой проходит через центральное круглое отверстие кверху юрты. В углу на возвышении вроде трона под балдахинном на пяти тонких разноцветных подушках сидел, поджавши ноги, Хутухта, или как его титулуют теперь «Эцзен-хан», в желтой расшитой [монгольской] курме и в меховой шапке, украшенной блестящим шариком, [на голове]. [По сторонам] Сиделище окружали Саин-Ноин-хан, Далама и несколько князей. Остальные министры и многочисленные бритые ламы в темно-красных и желтых плащах стояли в некотором отдалении... У Хутухты

⁵ Olga Bakich. Diary of Ivan Iakovlevich Korostovets, Russian Plenipotentiary in the Russo-Mongolian Negotiations in Urga in 1912–1913 — Cultural contact, history and Ethnicity in Inner Asia. Paper presented at the Central and Inner Asian Seminar, University of Toronto, 1994–1995. Ed. by Michael Geruers and Wayne Schleppe. Joint center for Asia Pacific studies, 1996.

глухой голос, и говорит он очень медленно. Вслед за сим министр иностранных дел указал мне на возвышение, покрытое подушками, шагах в десяти от трона, на которое я сел, рядом со мной на таких же возвышениях пониже сел Люба и остальные лица, меня сопровождавшие. У Хутухы довольно полное *[круглое]* смуглое лицо, не лишенное приятности. *[К сожалению]* Глаза закрыты большими темными очками, которые он носит из-за слабости зрения, говорят, что у него бельма. В это время у входа юрты произошло движение, и ламы внесли низкие столики, на которые поставили китайские и монгольские сласти — орехи, паточные леденцы, финики и русский сахар, а также серебряные чашечки с кирпичным чаем.

...Хутухта тихим голосом ответил, что благодарит за приветствие Белого царя (Саган Батырь) и за выражаемые мною от его имени чувства, что он вполне сознает необходимость для Монголии поддерживать добрые отношения с Россией, что он верит благожелательности русского правительства и желает вступить с ним в договорные отношения, которые были бы одинаково выгодны обеим сторонам и оградили бы самостоятельность Монголии и монгольского народа от внешних покушений. Он предпишет князьям и министрам без промедления приступить к обсуждению условий соглашения.

После этой речи ко мне подошли несколько лам, которые положили на столик две соборки шкурки и несколько кусков шелку, монгольское печенье в виде руки (пальцы Будды), пачки курительных палочек и футляр с янтарными и агатовыми бусами. Такие же подарки были положены перед моими спутниками. Сделав *[глубокий]* поклон, на который Хутухта ответил наклоном головы, мы вышли из юрты».

Мы можем узнать о деятельности россиян, которые тогда жили в Монголии и иностранцев, приезжавших в Монголию, как Ларсон, Перизэсью, Констен и других. Очень живо и подробно описана жизнь монголов, чем они питаются, какое хозяйство ведут, какие отличительные черты монголов, чем хуже и лучше они русских, погода, природа Монголии. Например о монгольских государственных деятелях он писал таким образом: «Наш главный и самый умный противник — Далама — неподкупен, упрям и подозрителен. Саин-Ноин умен, но *[осторожен и]* нерешителен. Тушетухан недалек, но честен и добросовестен. Намсарай — оппортунист, большой приятель Хутухты. Далайван — ничтожество, но наш открытый сторонник. Влиянием пользуются также Бинтуван, Шандзотьба и *[наши протезы]* Тохтохо. Учесть результаты нашего Соглашения пока трудно, но продолжаю думать, что мы были правы, сделав этот шаг, т. е. провозгласив и поддержав монгольское государство, иначе Монголия была бы для нас потеряна и нас оттуда бы выжили» [Коростовец, 2009, с. 106].

Одним словом, он живо описал то, что видел и чувствовал в Монголии. Этот дневник является богатейшим источником истории монголов начала XX века, политических деятелей Монголии.

Мы можем найти здесь описание официальной политики российского правительства по отношению к Монголии и Дальнему Востоку. Здесь отражены также точки зрения политиков и дипломатов России по отношению к Монголии, Китаю и Тибету. Дневник интересен тем, что жизнь монголов описана реалистично. Приведено много фактов. Монголы придавали большое значение этому Договору, так как это был их первый международный акт после провозглашения независимости в 1911 г. Дневник Коростовца особенно интересен тем, что он раскрывает, хотя бы частично, жизнь этого крупного российского дипломата в Азии, его понимание своей роли и ответственности в событиях, его идеи о российской политике, его чувства и стремления, его восприятие событий и людей, рисует яркую картину жизни в Урге и знакомит с монгольскими государственными деятелями в первый год независимости Монголии.

Нужно сказать, что И. Я. Коростовец собирался издать свой дневник. Это видно из того, что дневник приведен в порядок и материалы изложены последовательно. Сам «монгольский» дипломатический дневник опубликован не был, хотя Коростовец и готовил его к печати на русском языке. После его смерти в 1930 году машинопись дневника с рукописными поправками и добавлениями осталась у его сына, Флавия Ивановича. Переехав в начале 1950-х гг. в Австралию, Ф. И. Коростовец хотел опубликовать дневник отца или хотя бы его переработку на английском языке, но его попытки не увенчались успехом. Дневник этот был затем передан сыном своему другу, одному известному русскому старожилу Китая в надежде, что тот найдет возможность его опубликовать. Хотя старожил тоже мечтал осуществить это с помощью Ольги Бакич, редактора журнала «Русские в Азии», издания Торонтоского университета, его болезнь и смерть положили конец этим планам. Личный дневник под названием «Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Урге И. Я. Коростовца. Август 1912 — май 1913 гг.» профессором Ольгой Бакич все же был издан в номерах 1 (1994), 2, 3 (1995) вышеназванного журнала. Дневник Коростовца состоит из 683 страниц, написанных на машинке крупным шрифтом со многими поправками, добавлениями и исправлениями мелким, но четким и красивым почерком Коростовца. Мы издали впервые полный вариант дневника⁶. В конце дневника стоит дата: «1915 г., Царское село», но поправки и добавления от руки сделаны позднее, скорее всего в двадцатые годы. Когда я готовился издать рукопись книги И. Я. Коростовца «От Чингис хана до Советской республики» на русском языке, узнал о том, что дневник находится у профессора Ольги Бакич. По моей просьбе она любезно передала мне копию полного дневника И. Я. Коростовца, веденного им в Монголии с сентября 1912 г. по май 1913 г. Большой поклон самому Ивану Яковлевичу Коростовцу и его сыну, а также тем, кто бережно хранил и передавал из рук в руки этот уникальный документ.

Многочисленные ноты, заявления, депеша о Монголии и значении Монголии для России, переданные Коростовцом, открыли глаза российским государственным деятелям — министру иностранных дел Сазонову, замминистра иностранных дел Нератову, самому императору России на Монголию и монголов. Недаром после заключения соглашения между Россией и Монголией в 1912 г. Сазонов повернул свой взгляд в сторону Монголии. В этом большая заслуга Коростовца, одного из первых дипломатов Российской империи, осознавшего значение Монголии для геополитических интересов России.

После подписания Монголо-Российского договора Коростовец получил от самого российского императора благодарность в виде следующей телеграммы через министра иностранных дел Сазонова: «На всеподданнейшем докладе об обстоятельствах, при каких Вами заключено Соглашение 21 октября с монгольским правительством, Государю Императору благоугодно было начертать: «Выражаю мою благодарность Коростовцу». Поздравляю Вас с этим знаком Монаршей милости». А 21 Февраля 1913 г. он был награжден светло-бронзовой медалью в память 300-летия царствования Дома Романовых. По свидетельству министра иностранных дел о его отлично-усердной службе и особых трудах, Высочайшим указом, данным Капитулу орденов, император России пожаловал И. Я. Коростовца кавалером ордена Св. Анны первой степени 14 апреля 1913 г. [АВПРИ, фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел, оп. 464, д. 1794, л. 1–5]. Так были оценены заслуги Коростовца в осуществлении политики и интересов императорской России в Азии, в том числе в Монголии. И. Я. Коростовец являлся

---

⁶ Коростовец И. Я. Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 гг. /Составитель О. Батсайхан, редакторы О. Батсайхан (Монголия), Ольга Бакич (Канада), Наками Тацуо (Япония), Улаанбаатар, 2009 [на русском языке].

кавалером орденов Св. Анны, Св. Станислава, Св. Владимира, а также орденов иностранных государств — Персидского, Румынского, Японского, Черногорского, Португальского, Бухарского, Французского, Турецкого, Китайского, Сербского, Шведского, Датского и Монгольского. Эти награды говорят о том, с каким широким размахом работал дипломат Коростовец.

Значение Монголо-Российского договора 1912 г., подписанного И. Я. Коростовцем, было высоко оценено российским дипломатом бароном Б. Э. Нольде⁷ в историческом очерке «Далекое и близкое» под заглавием «И. Я. Коростовец в Монголии» в 1930 г.: «Создание Монголии — одно из крупных дипломатических достижений императорской России. ... в первых рядах этой школы стояли перед войной И. Я. Коростовец и покойный начальник дальневосточного отдела Г. А. Козаков. Им вместе принадлежит честь осуществления того крупного исторического дела... Договор И. Я. Коростовца сыграл решающую роль в процессе образования Монголии» [Нольде, 1930].

Так как в начальной стадии восстановления независимости Монголии И. Я. Коростовец сделал для нее очень многое, на мой взгляд, монголы должны были бы воздвигнуть памятник И. Я. Коростовцу скорее, нежели В. И. Ленину, что было бы справедливо перед историей [1912 оны..., 2007]. Эта идея была поддержана правительством Монголии — в 2014 г. в Улан-Баторе был открыт памятник дипломату.

Я убежден в том, что И. Я. Коростовец представлял интересы Российской империи, но эти интересы сыграли большую роль в деле сохранения и совершенствования самостоятельности Монголии.

И. Я. Коростовец в июле 1910 г. выдвигал идею о продлении «Соглашения 1881 года» и о «параллельной железной дороге Сибири» с целью расширения влияния России на Дальнем Востоке [Russia, Japan, and United States in China 'Entente Diplomacy and the World' 1921, p. 19–20]. Он предлагал начать реализацию данной идеи с Монголии. Он писал Извольскому 3 ноября 1910 г. о необходимости сопротивляться деятельности Чинского правительства, направленной на принижение статуса Монголии и ввод военных частей на монгольскую территорию, а также добиться обещания Пекина о неизменности статус-кво Монголии и заручиться в этом деле поддержкой со стороны Великобритании и Японии.

Во время Монгольской национальной революции 1911 г. чрезвычайный посланник России в Пекине Коростовец и российский консул в Их Хурэ⁸ Лавдовский обменивались следующими идеями: «Если мы откажем монголам в оказании помощи, то какая-нибудь другая страна /Япония/ непременно займет наше место». Также Коростовец в телефонограмме, направленной Сазонову в ноябре 1910 г., отмечал: «Россия стремится вести достаточно свободную деятельность во Внешней Монголии, пользуясь своими правами согласно российско-японскому договору», а в телеграмме, отправленной немного позже, 30 июля 1911 г., тому же Сазонову он акцентировал внимание на том, что «если мы откажемся от исполнения ведущей роли в Халхе, то это вдохновит Японию, которая, без малейшего сомнения, займет наше место». После заключения Российско-Монгольского договора о дружбе уполномоченный России в Хурэ Коростовец,

⁷ Барон Нольде Борис Эммануилович — российский юрист, ученый и дипломат. Родился в 1876 г. Окончил Санкт-Петербургский университет, работал профессором Александровского лицея, Политехнического института, директором второго департамента Министерства иностранных дел России. Автор «Очерков русского государственного права» (СПб., 1911), «Очерков международного частного права» и др. Как дипломат барон Нольде принимал участие во Второй конференции мира в Гааге в 1907 г., в Лондонской мирной конференции в 1908–1909 гг., в конференции трех северных держав по Шпицбергенскому вопросу в 1910–1911 гг., в Парижской балканской финансовой комиссии в 1913 г. и др. Нольде — современник И. Я. Коростовца, автор статьи «Международное положение Монголии» (Газета «Право», Петроград, 23 августа 1915 г.). Эта статья используется в трудах Коростовца.

⁸ Их Хурэ — Нийслэл Хурэ, столица Монголии с 1911 г.

обращаясь в МИД России, в телефонограмме писал, что Китай вынужден смириться не только с отторжением Внешней Монголии, но и с тем, что теперь китайские граждане тайно переходят на монгольскую территорию. Китаю следовало бы сосредоточить силы на том, чтобы удержать в своих руках Внутреннюю Монголию, готовую по первому сигналу Халхи присоединиться к ней. Он неоднократно напоминал монголам о несбыточности объединения только по признаку единого хозяйственного уклада, национальных традиций и культуры, говорил, что для политического объединения важно достижение душевного удовлетворения [РВИА, ф. 2000, оп. 1, д. 736, л. 28].

Хотя Коростовец уехал из Нийслэл-хурэ в 1913 г., он постоянно проявлял беспокойство о судьбе Монголии. Он отправил Богдо-хану письмо с личной фотографией, где писал: «Наше правительство незамедлительно окажет своевременную помощь согласно просьбе монгольского правительства об оказании финансовой и военной помощи. Если хотите узнать мое личное мнение, то монгольскому правительству необходимо иметь дружественные и доверительные отношения с Россией и ее правительством, а также с посланником России в Урге Миллером и развивать их в дальнейшем». Также он отмечал важность незамедлительного заключения договора с Китаем, причем при непосредственном участии России. Коростовец напомнил о том, что любая попытка самостоятельного заключения договора Монголии с Китаем или же любая попытка сближения с ним может иметь для Монголии пагубные последствия. Поэтому при проведении переговоров с китайской стороной обязательно участие России в них, которое отвечает интересам Монголии [Некоторые документы..., 1972, с. 159]. Эти его советы имели целью благо монголам. Излишне говорить, что такие слова, принадлежащие этому удивительному человеку, свидетельствуют об искренности его намерений, проявлении подлинного беспокойства о судьбе Монголии.

3 февраля 1913 г. премьер-министр Монголии Сайн-нойон-хан Намнансурэн и военный министр Эрдэнэ-ван Гомбосурэн совместно с Коростовцом подписали «Монголо-русское соглашение о военной подготовке монгольских цериков». Это соглашение некоторые иностранные исследователи рассматривают как сверхсекретный военный договор. Согласно этому соглашению, в Нийслэл-хурэ должны были быть командированы российские офицеры высшего, среднего и младшего ранга для военной подготовки монгольских цериков.

Исследователь Дж. Фритерс, давая личную оценку Коростовцу, написал следующее: «Он являлся одним из самых способных дипломатов Российской империи и стоял у истоков активизации российской политики во Внешней Монголии. Между тем, Дмитрий Абрикосов, отметив его большой дипломатический опыт, приобретенный им за долгие годы службы в Китае, сказал, что, «посол /подразумевается И. Я. Коростовец — О. Б./ является особенным человеком и имеет редкий авторитет сродни бриллианту» [Lensen, 1964, p. 158–174].

После социалистической революции в России И. Я. Коростовец временно находился сначала в России, затем в Китае, а позже эмигрировал в Европу. В Германии он издал свою книгу о Монголии и в конце жизни жил один во Франции. И. Я. Коростовец скончался 1 января 1933 г. в Париже. Газета «Иллюстрированная Россия» (Париж, № 3 (40), 14 января 1933 г.) поместила заметку под заголовком «Кончина русского дипломата». Там сообщалось о том что «1 января в Париже скончался И. Я. Коростовец — выдающийся русский дипломат, известный своими большими способностями и блестящим знанием иностранных языков. По окончании Императорского Александровского лицея Иван Яковлевич посвятил себя дипломатической службе на Дальнем Востоке. Глубокое знание дальневосточной политики выдвинуло его на ряд ответственных постов. И. Я. был секретарем русской мирной делегации в Портсмуте,

русским посланником в Пекине, в Монголии и в Тегеране, где с неизменным искусством и блеском представлял русские интересы. Перу И. Я. принадлежит несколько замечательных книг, из которых: «От Чингис хана до Советской России» вышла в годы эмиграции на немецком языке и имела большой успех».

В газете «Харбинское время» также сообщалось, что скончался посол украинской державы в Яссах в 1918 г. для переговоров с Антантой Иван Яковлевич Коростовец [«Харбинское время», № 48, 21 февраля 1933 г., с. 7]. За несколько недель до смерти он опубликовал интересные воспоминания «Переговоры в Яссах». Во втором томе «Энциклопедии Украины», выпущенной Канадским институтом исследования Украины, отмечено, что «Коростовец Иван назначен уполномоченным послом Украины для переговоров с Антантой в Яссах в 1918 году» [Encyclopedia..., 1988, p. 616].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Договор о дружбе, заключенный 3 ноября 1912 г., и проведенные переговоры в дальнейшем имели огромное политическое значение для Монголии. Данным договором императорская Россия не только официально признала Монголию и ее правительство, но и в дальнейшем этот договор был принят за правовую основу в развитии ее государственного суверенитета. Факт заключения договора Монголии с царской Россией стал ударом для китайской экспансионистской политики, проводимой в то время Пекином в отношении Монголии, и привел к необходимости ведения переговоров китайского правительства с Россией специально по монгольскому вопросу. Исследователь-востоковед, дипломат И. Я. Коростовец, хотя и был проводником российской государственной политики, в то же время проявлял большой интерес к судьбе Монголии и, возвратившись в Нийслэл-хурэ в 1919 г., был свидетелем новых исторических событий. Несомненно, И. Я. Коростовец является одним из инициаторов заключения Российско-Монгольского договора о дружбе 1912 г., а также, на наш взгляд, дипломатом, внесшим достойный вклад в укрепление российско-монгольских отношений и их развитие в XX в.

Литература / References

1912 оны Монгол Оросын Найрамдын гэрээний 95 жилийн ойд зориулсан («Новые подходы к истории взаимоотношений Монголии и России и их современное состояние»), сэдэвт дугуй ширээний бага хуралд («Русско-монгольский договор о дружбе 1912 года и его историческое значение»), тавьсан илтгэл, 2007.10.23, Улаанбаатар, орос хэл дээр, Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец — *Олон улс судлал сэтгүүл*. 2008. Дугаар 1. 74–85 дахь тал. [Materials of roundtable «New approaches to the history of relations between Mongolia and Russia and their modern condition» dedicated to 95 years of the Mongolian-Russian Treaty of 1912, October 23, 2007. Russo-Mongolian Friendship Treaty of 1912 and I.Ya. Korostovets. *International Studies J.* 2008. No. 1. Pp. 74-85 (in Mongolian)].

Архив Внешней политики Российской империи. Фонд Департамента личного состава и хозяйственных дел г. Москва [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI)].

Батсайхан О. *Монголын тусгаар тогтнол ба Хятад, Орос, Монгол гурван улсын Хиагтын гэрээ (1911–1916)*. Улаанбаатар, 2002 [Batsaikhan O. *Independence of Mongolia and Kyakhta treaty of China, Russia and Mongolia (1911–1916)*. Ulaanbaatar, 2002 (in Mongolian)].

Батсайхан О. *Монгол үндэстэн бүрэн эрхт улс болох замд (1911–1946)*. Улаанбаатар, 2005 [Batsaikhan O. *Mongolia: becoming a nation-state (1911–1946)*. Ulaanbaatar, 2005 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Монгол-Оросын 1912 оны гэрээ ба И. Я. Коростовец. *Олон улс судлал сэтгүүл*. 2008. Дугаар 1. 74–85 дахь тал. [Batsaikhan O. The Russo-Mongolian Friendship Treaty of 1912 and I. Y. Korostovets. *Journal of International Studies*. 2008. No.1. Pp. 74–85 (in Mongolian)].

Батсайхан О. Русско-монгольский договор о дружбе 1912 года и его историческое значение — 1912 оны Монгол Оросын Найрамдлын гэрээний 95 жилийн ойд зориулсан («Новые подходы к истории взаимоотношений Монголии и России и их современное состояние») сэдэвт дугуй ширээний бага хурлын материал. 2007.10.23. Улаанбаатар, орос хэл дээр [O. Batsaikhan, «The 1912 Russo-Mongolian Treaty of Friendship and its Historical Significance». *Papers of the conference, dedicated 95 year of Russo-Mongolian agreement in 1912 «New approaches to the history of relations between Mongolia and Russia and their current state»*. October 23, 2007. Ulaanbaatar (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии. Богдо Ажебцундамба-хутукта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaikhan O. *Bogdo Jebtsundamba khutuktu. The last emperor of Mongolia*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Белов Е. А. Как возникли тройственные русско-китайско-монгольские переговоры в Кяхте в 1914 г. *Китайская традиционная культура и проблемы модернизации*. Часть 1. М., 1994 [Belov E. A. How created Tripartite treaty Russia, China and Mongolia in Kyahta 1914. *China's Cultural Tradition and Modernization*. Part 1. Moscow, 1994 (in Russian)].

БНМАУ-ын түүх дэд боть. Улаанбаатар, 1968 [History of Mongolian People's Republic, 2nd volume. Ulaanbaatar, 1968 (in Mongolian)].

Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969 [Budukov A. V. In old and new Mongolia. Moscow, 1969 (in Russian)].

Волосович М. Россия и Монголия. *Вестник Азии*. 1914. № 31–32 [Volosovich M. Russia and Mongolia. *Vestnik Azii*. 1914. No. 31–32 (in Russian)].

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925)*. М., 1925 [Grimm E. D. *Collection of documents on history of international relations in Far East (1842–1925)*. Moscow, 1925 (in Russian)].

Даревская Е. М. *Сибирь и Монголия, Очерки русско-монгольских связей в конце XIX–XX вв.* Иркутск, 1994 [Darevskaya E. M. *Siberia and Mongolia. History of Russo-Mongolian relations in end of XIX–XX century*. Irkutsk, 1994 (in Russian)].

Дэндэв Л. *Автономит Монгол улсын үеийн онцлог баримт бичгүүд*. Түүхийн хүрээлэнгийн гар бичмэлийн сан. 1945 [Dendev L. *Some documents of period of Autonomus Mongolia*. 1945 (in Mongolian)].

Иллюстрированная Россия. Париж, № 3 (40). 14 января 1933 года [«Illustrated Russia». Paris. No. 3 (40). January 14, 1933 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *Девять месяцев в Монголии: Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 — май 1913 гг.* Улаанбаатар, 2009 [Korostovets I. Ya. *Nine months in Mongolia. Diary of Russian plenipotentiary in Mongolia. August 1912 — May 1913*. Ulaanbaatar, 2009 (in Russian)].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики*. Улаанбаатар, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Chingis khan to sovet republic*. Ulaanbaatar, 2004 (in Russian)].

Магсаржав Н. *Монгол Улсын шинэ түүх*. Улаанбаатар, 1994 [Magsarjav N. *The new history of Mongolia*. Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Майский И. *Современная Монголия*. Иркутск, 1921 [Maisky I. *Modern Mongolia*. Irkutsk, 1921 (in Russian)].

Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств (1878–1917). Серия 2. Т. 20, ч. 2. Москва — Ленинград, 1931 [International relations in the era of imperialism. Documents from the archives of the tsarist and provisional governments (1878–1917). Series 2. T. 20, p. 2. Moscow — Leningrad, 1931 (in Russian)].

Монгол Улсын Үндэсний төв архив ф. 4, д. 1, х. н. 136.

Монголын ард түмний 1911 оны үндэсний эрх чөлөө, тусгаар тогтнолын төлөө тэмцэл Баримт бичгийн эмхтгэл 1900–1914. Улаанбаатар, 1982 [Mongolian people's struggle for national freedom and independence in 1911. Collection of documents 1900–1914. Ulaanbaatar, 1982 (in Mongolian)].

Некоторые документы, связанные с историей Монголии, из частного архива В. Котвича. Улаанбаатар, 1972 [Some documents, related to history of Mongolia from private archives of Kotvich V. Ulaanbaatar, 1972 (in Mongolian)].

Нольде Б. Э. *Далекое и близкое. Исторические очерки.* Париж, 1930 [Nolde B. E. *Dalekoe i blizkoe. Historical accounts.* Paris, 1930 (in Russian)].

РГИА — Российский государственный исторический архив, г. Москва [Russian State Historical Archive, Moscow].

Российский государственный военно-исторический архив [Russian State Military Historical Archive].

Сборник дипломатических документов по Монгольскому вопросу. СПб., 1914 [Collection of diplomatic documents on the Mongolian issues. St. Petersburg, 1914 (in Russian)].

Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952 [Collection of treaties between Russia and other states 1856–1917. Moscow, 1952 (in Russian)].

«Харбинское время», № 48. 21 февраля 1933 года. С. 7 [Harbin Time. No. 48. February 21. 1933. P. 7].

Bakich O. Diary of Ivan Iakovlevich Korostovets, Russian Plenipotentiary in the Russo-Mongolian Negotiations in Urga in 1912–1913. *Cultural contact, history and Ethnicity in Inner Asia.* Toronto, 1996.

Encyclopedia of Ukraine. Toronto. 1988. V. 2, G-K.

Lensen G. A. ed. *Relations of a Russian Diplomat, the Memoirs of Dmitrii I. Abrokossow.* Seattle, 1964.

Russia, Japan, and United States in China. *Entente Diplomacy and the World.* 1921.

Tang P. S. H. *Russian and Soviet policy in Manchuria and Outer Mongolia 1911–1931.* Durham, 1959.